

Алексей Симонов: «Я бы не сказал, что результативность Комиссии, потом Совета, была очень высока. Но все-таки была возможность советовать президенту»

Алексей Кириллович Симонов (родился в 1939 году в Москве) – советский и российский журналист, кинорежиссер, правозащитник. С 1991 года – президент Фонда защиты гласности.

Окончил факультет восточных языков (индонезийское отделение) МГУ. Год работал переводчиком в советской колонии в Джакарте, затем редактором и переводчиком в издательстве «Художественная литература». Окончил Высшие режиссерские курсы, работал в творческом объединении телевизионных фильмов Гостелерадио «Экран». Известны его фильмы «Обыкновенная Арктика», «Отряд», «Процесс» и др. Помимо игровых фильмов снимал фильмы документальные: «Мир Галины Улановой», «Утесов», «Соловьев-Седой». Преподавал в Институте кинематографии. С 1991 года – председатель правления, президент Фонда защиты гласности. С 2001 года – председатель жюри премии имени Андрея Сахарова «За журналистику как поступок». В 1993 году был членом Конституционной Ассамблеи Российской Федерации и членом Третейского суда по информационным спорам. Входил в состав Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека до 2012 года.

Сотрудничает со многими газетами и журналами. Опубликованы переводы Алексея Симонова из Ирвина Шоу («Тогда нас было трое», «Солнечные берега реки Леты»), Артура Миллера, Джойс Кэрролл Оутс, Юджина О'Нила, африканских и индонезийских поэтов и т.д.

Ред. Алексей Кириллович, ваше тяготение к правозащитной деятельности возникло не от той информации о беззакониях сталинских времен, которую вы знали от отца и которую он не мог рассказать публично?

А.С. Нет. Просто и у отца, и у матери было одно общее свойство: готовность помогать людям. У отца для этого было больше возможностей, а у мамы – больше сердца. Она помогала глубоко, персонально и сердечно. Она, по сути, воспитала целое поколение молодых поэтов. Мама была литературным редактором. Но есть редакторы-цензоры, а есть редакторы, помогающие прорваться. Вот мама такая была. Самые неожиданные люди становились ее друзьями. После нее осталось

около тысячи авторских экземпляров, в основном первых поэтических сборников, с благодарственными надписями.

Отец тоже очень много читал молодых авторов, помогал им, особенно тем, чье творчество было связано с войной. В общем, оба умели воспринимать чужую боль, чужую беду, как свою, и я этим пропитался.

Отступлю от ответа на ваш вопрос и расскажу одну историю. Гуляли мы, молодые, в одном доме на Кудринской, я перебрал и заснул. Разбудить меня — задача очень непростая, а тут появились родители хозяйки, надо удаляться. Тогда мой приятель сказал мне на ухо: «Леша, надо помочь!» Я встрепенулся, и меня увели.

Ред. Вы сумели формализовать свои настроения в Фонде защиты гласности?

А.С. Да, история с Фондом была рубежной. В перестроечное время те, кто помнил «оттепель», переживали вторую молодость. Вновь какая-то звезда засияла. Меня и мне подобных очень возмутило вранье, которое полилось с экранов телевизоров по поводу событий в Прибалтике. Мы же были связаны с местными кинематографистами, имели информацию. Решили даже объявить бойкот Центральному телевидению и призвать тележурналистов нас поддерживать. Потом подумали и решили: бесполезно, ведь для журналистов это звучало бы как призыв потерять работу. Нужен был фонд, который мог бы их поддерживать.

Базой стал наш тогда архипередовой Союз кинематографистов. Его возглавлял Элем Климов, а я был председателем контрольно-правовой комиссии. Стали выбирать правление. В него вошли три кинорежиссера — Элем Климов, Алексей Герман и Георгий Данелия, два тележурналиста — Бэлла Куркова и Владимир Молчанов, и два газетчика — Егор Яковлев и Игорь Голембиовский. Я стал этим заниматься и вот уже 25 лет с этого пути не схожу.

Ред. Как шло становление организации? Ведь ничего подобного на легальной основе ранее не было.

А.С. В феврале 1991 года мы зарегистрировали Устав, а днем рождения считаем 6 июня, день рождения Пушкина. Оказалось, это еще и день рождения цензурного комитета, об этом нам Юрий Батурин сообщил на первой пресс-конференции.

ПОЗИЦИЯ

«Понятие “свобода слова” состоит из двух частей. И у нас одна половина всегда есть. Гласность существует, потому что возможность сказать все, что ты думаешь, есть. Вопрос заключается в том, что нет возможности быть услышанным. Вот проблема, вторая половина этой с позволения сказать дилеммы.

За слово нельзя судить уголовным судом, я против. Это я защищать буду в любом случае. Следовательно, там, где у меня нет возможности защищать человека конкретно, я пытаюсь защищать его теоретически».

Ред. А финансирование откуда пришло?

А.С. Мы собрали изрядную по тем временам сумму — 300 тысяч рублей — от творческих союзов и газет. Это был стартовый капитал, но зарплату себе из него платить мы не могли. Начали помогать семьям погибших журналистов. В Латвии это были Гвидо Звайзне и Андрис Слапиньш. В Калуге был убит редактор газеты «Знамя» Иван Иванович Фомин.

Наступил август 1991-го, и тут мы поняли, что можем иметь не только гуманитарную составляющую, но и идеологическую. Ведь тогда в одночасье закрыли все коммунистические газеты. Я выступил против этого, и Павел Николаевич Гусев, спасибо ему, напечатал в «Московском комсомольце» мое письмо. Это было тогда абсолютно вне общего хора, но я писал, что так делать нельзя. Иначе произвол будет твориться и в отношении демократических изданий. У Фонда появилась репутация.

Я помню, как Егор Яковлев, уходя на пост руководителя телекомпании «Останкино», спросил меня, не стоит ли закрыть Фонд – ведь вроде бы мы победили. А я ответил: «Вот мы с тобой теперь и будем бороться». Он посмеялся, Фонд продолжил работу, и через год пришлось ехать на телевидение и заступаться уже за самого Егора Яковлева, которого убирали с его поста. Фонд стал самостоятельной величиной, мы стали получать гранты.

Документ

«Специальная норма статьи 140¹ Уголовного кодекса РСФСР, которая предусматривает уголовную ответственность за «воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов», практически не применяется. По данным Министерства юстиции Российской Федерации, по указанной статье за период с 1990 по 1994 год включительно были осуждены два человека: один в 1992-м и один в 1993 году; одно дело по статье 140¹ УК РСФСР было возбуждено в 1994 году и три – в 1995 году.

Данная норма распространяется только на журналистов и не защищает право граждан Российской Федерации на доступ к информации».

Из Доклада Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации «О соблюдении прав человека и гражданина в Российской Федерации в 1994–1995 годах»

Ред. Откуда?

А.С. Оттуда. За этим вопросом давний подтекст: а как же наши? Неужели никто – ни копейки? Расскажу. Был я на фандрайзинге у Виктора Вексельберга, одного из наших «богатеньких», рассказывал о Фонде. Он ответил мне: «Не понимаю, зачем мне это. Если мне нужно будет напечатать статью, я куплю газету». То есть полное непонимание, заложенное в самом менталитете. Нашли иностранные гранты. Надо сказать, что все эти грантодатели неплохо знают друг друга, консультируются. Нам дал первые 10 тысяч долларов Фонд Рокфеллера. Было сказано: делайте то, что считаете нужным, если хотите, отчитайтесь. Мы отчитались: 95% суммы ушло на дело (например, мы открыли школу подготовки юристов для масс-медиа), а 5% – на накладные расходы.

Подключились Фонд Форда, Фонд Макартуров. Внимательно изучали меня. Я одному из их представителей, Джозефу Шулу, сказал: «Джо, ты, кажется, только в венерическом диспансере справки обо мне не наводил».

Действовали мы по всему периметру бывшего Союза. Пришло известие из Душанбе об аресте замечательного поэта Бозора Собира, а тут как раз была назначена встреча Ельцина с интеллигенцией в Бетховенском зале Большого театра. Одни давали советы, что делать с оппозицией, другие просили чего-то для себя: льготы, ремонты, гастроли. Я обратился к президенту: «Раз вы у нас гарант, вы можете помочь творческим людям и в соседних государствах», и рассказал о Собире. Смотрю, он бросил секретарю: запиши. Потом во всех инстанциях я ссылался на «разговор с президентом России».

Ред. Вы знали о создании Комиссии по правам человека?

А.С. Я знал самого С.А. Ковалёва как совершенно незаурядного человека. В Комиссию к нему я не обращался, но поддерживал и сейчас полностью поддерживаю то, что он пытался делать в Чечне. А вот со следующим председателем, В. Карташкиным, мы несколько раз схлестывались. Его назначение я расценил примерно так: на вольных скакунов пытаются надеть шесть уздечек и десять хомутов.

Интересно было наблюдать за эволюцией провинциального правоведа Олега Миронова, когда тот стал омбудсменом. Он сумел осознать масштаб стоящих перед ним задач. Я даже принял от него премию Уполномоченного, это одна из моих немногих государственных наград. Сняли его в итоге за либерализм. Правда, заменили удачно. С Владимиром Лукиным у нас было много общих достойнейших друзей, таких как Юлий Ким и Давид Самойлов.

Ред. А как вы все-таки попали в состав Совета?

А.С. Мне позвонила Элла Памфилова, которую я знал по общению в депутатских кругах. Она сказала, что заново осваивает правозащитную территорию, назвала несколько фамилий из числа тех, кого хотела бы привлечь к работе. Это были такие имена, что я тут же согласился. Элла Александровна одновременно и трепетная, и упертая – это ее особенность. Она хорошо умеет бежать на дистанции, но не очень умеет брать барьеры. А барьеры частенько создавали по соседству – в Администрации Президента. Я бы не сказал, что результативность Комиссии, потом Совета, была очень высока. Но все-таки была возможность советовать президенту.

В 2002 году была намечена встреча с Путиным. Я, как и все, тщательно готовился. Хотел запомниться – в интересах дела. Учел и свою фамилию, и все возможные обстоятельства. Хотел говорить о цензуре, о том, что первой жертвой этой цензуры может стать сам президент. Он читает отцеженную цензурой информацию, что везде хорошо, – и законы не те принимает. Свою пятиминутную речь я выучил наизусть. Вспомнил фронтовую повесть отца о событиях 41-го года «Пантелеев», где все беды происходили из-за того, что командиры боялись сделать правдивый доклад. Эта встреча происходила вскоре после событий на Дубровке. Путин сказал, что подготовка к штурму театра было показана по НТВ, и это повредило операции. Я возразил, сказав, что кадры показали уже после событий. Он меня резко перебил.

Я потом позвонил Суркову, спросил, почему отчет о встрече не выложен на Кремлевский портал, люди ждут от нас информации о встрече с главой государства. Он ответил: «Мы подумаем», а потом спросил, можно ли изъять полемику по поводу НТВ. Чтобы остальная информация не пропала. Я согласился.

Документ

«А. Симонов: Сразу – формулу, чтобы понятно было. Мы вывели такую формулу, что гласность – это возможность выкрикнуть из толпы, что король голый, а свобода слова – это возможность сказать об этом королю до выхода на площадь. С этой точки зрения со свободой слова у нас тяжело, потому что я, к сожалению, в отличие от всех моих предшественников и коллег, вряд ли пораду вас конкретными предложениями по обсуждаемым вопросам. Мне придется говорить о вещах более абстрактных и более труднодоказуемых. Одна из них связана с тем, что гласность от свободы слова отличается на порядок в силу того, насколько в обществе существует страх свободы слова. На сегодняшний день страх свободы слова в обществе усиливается, и он усиливается двояко: он усиливается в смысле желаний населения. И неслучайно по этому поводу идут различные пулы, которые дают цифры, что более 50–55% населения готовы снова к введению цензуры – это одна сторона дела.

А вторая сторона дела связана с практикой, потому что у населения нет желания этой свободы. А на самом деле при осуществлении этой свободы люди сталкиваются с очень большими трудностями, и чем дальше, тем с большими.

В частности, достаточно известное дело Григория Михайловича Пасько – я сейчас не про дело говорю, я говорю про результаты этого дела. Вот уже четыре года на Дальнем Востоке вы не найдете ни одной статьи, всерьез обсуждающей проблемы дальневосточной экологии в деятельности армии и флота. Вот таков результат страха, который возник в связи с этим делом.

Жертвой этого страха становится, как ни странно, власть, потому что до нее, с одной стороны, не доходит весь необходимый объем информации. С другой стороны, традиционно, когда десять лет, одиннадцать лет тому назад приняли первый закон о СМИ, все были счастливы. И наши все европейские эксперты просто всплескивали руками от радости, что наконец в России отменили цензуру. На самом деле цензуру отменили только наполовину: отменили ту цензуру, которая не позволяла обществу знать те произведения, факты, ту информацию, которую знал избранный круг людей.

Но есть еще и вторая форма цензуры, которая у нас сохранилась. И жертвой этой цензуры является сама власть и в первую очередь, как это ни печально констатировать, в том числе и, может быть, в первую очередь президент. Потому что цензурируется то, что идет к президенту.

В. Путин: Я считаю, что вы абсолютно правы, когда говорите, что первой жертвой отсутствия гласности и свободы слова является сама власть. В этом вы абсолютно правы, потому что действительно очень многое, что является принципиальным из жизни страны, я получаю из средств массовой информации, как это ни странно покажется. И если там этого нет, то, значит, у меня нет этой информации. Но нельзя и полагать, что все, кто работает в этой сфере, всегда правы. Закон только нельзя нарушать. Не очень удачное, может быть, у меня было выражение о диктатуре закона. Но есть и другие выражения, которые вошли в историю, и никто с ними не спорит: «Суров закон, но это закон». Выполнять надо».

Из стенограммы заседания Комиссии по правам человека с участием Президента Владимира Путина, 10 декабря 2002 года

Ред. Чего вам удалось добиться за время работы в Комиссии?

А.С. Удалось немного. В частности, удалось передать Путину письмо православных людей и представителей российских организаций, побывавших в Косово. В их числе была и моя жена, Галина Симонова-Щепетнова. Она считает, что их призыв был, по крайней мере, услышан. При Медведеве была известная история с актрисой Натальей Захаровой. Ей запрещали видеть ребенка от бывшего мужа-француза, а потом обвинили бог весть в чем и посадили в тюрьму, затем по соглашению с российскими властями перевели в российскую тюрьму. Я написал Медведеву письмо, которое начиналось словами: «Милосердие непопулярно у российских президентов», и сам как член Совета по правам человека приехал в место заключения Захаровой. Через неделю ее освободили^[1].

Я работал, заседания Совета старался не пропускать. В частности, занимался мероприятиями по Программе восстановления исторической памяти. Но очень многое уходило в песок.

Документ

Об освобождении из тюрьмы в Туркменистане сопредседателя Совета Международной общественной организации «Международный социально-экологический союз» А. Затоки

«На встрече президента Российской Федерации с Советом 11 января 2007 года Совет обратился к президенту с просьбой о содействии освобождению из тюрьмы в Туркменистане сопредседателя Совета Международной общественной организации «Международный социально-экологический союз», гражданина России Андрея Затоки, который был необоснованно задержан в Ашхабаде.

Президенту было передано письмо в защиту А. Затоки, подписанное более чем 280 общественными организациями из многих стран СНГ.

В итоге 31 января 2007 года А. Затока был осужден на три года условно и освобожден в зале суда, а в ноябре амнистирован».

Из Краткого обзора деятельности Совета за 2002–2008 годы

Ред. Вы из-за этого вышли из состава Совета?

А.С. В первую очередь из-за избрания Владимира Путина на новый срок. Я не хотел больше советовать президенту – при самых добрых отношениях с Михаилом Александровичем Федотовым.

Ред. А по линии СМИ?

А.С. Нет. Михаил Александрович, как известно, – один из секретарей Союза журналистов России, и он знает, что в этой сфере творится. Но изменить что-то в действующем на этот счет законодательстве он не сможет.

Ред. Как эксперт вы выступаете?

А.С. Инициативно – нет. Зовут – прихожу. Мне уже 77 лет, я устал. Я восхищаюсь Людмилой Михайловной Алексеевой. Она старше меня, здоровье неидеальное, но она еще делает полезные конкретные дела – просто на своем авторитете.

В своей сфере и я что-то делаю. Тут посадили в Ростове-на-Дону журналиста Александра Толмачева за клевету на председателя областного суда. Сам он, как это нередко бывает, из военных и человек с нелегким характером. Я был на приеме у председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева и добился, чтобы рассмотрение дела перенесли в другую область. Его перенесли – из Ростова в Краснодарский край, в ту самую печально прославившуюся станицу Кушевская^[2].

В качестве итога о своей деятельности в Совете скажу так. Элла Александровна собирала людей в Совет по внутреннему ощущению, а Михаил Александрович – по разумным соображениям. Памфилова, на мой взгляд, избрала вариант более точный, более полезный для дела.

^[1] Указ Президента РФ «О помиловании Захаровой Н.В.» от 5 августа 2011 года № 1051 // Собрание законодательства РФ. – 08.08.2011. – № 32, ст. 4816.

^[2] В 2014 году Кушевский районный суд Краснодарского края приговорил Александра Толмачева к девяти годам лишения свободы за несколько эпизодов вымогательства.